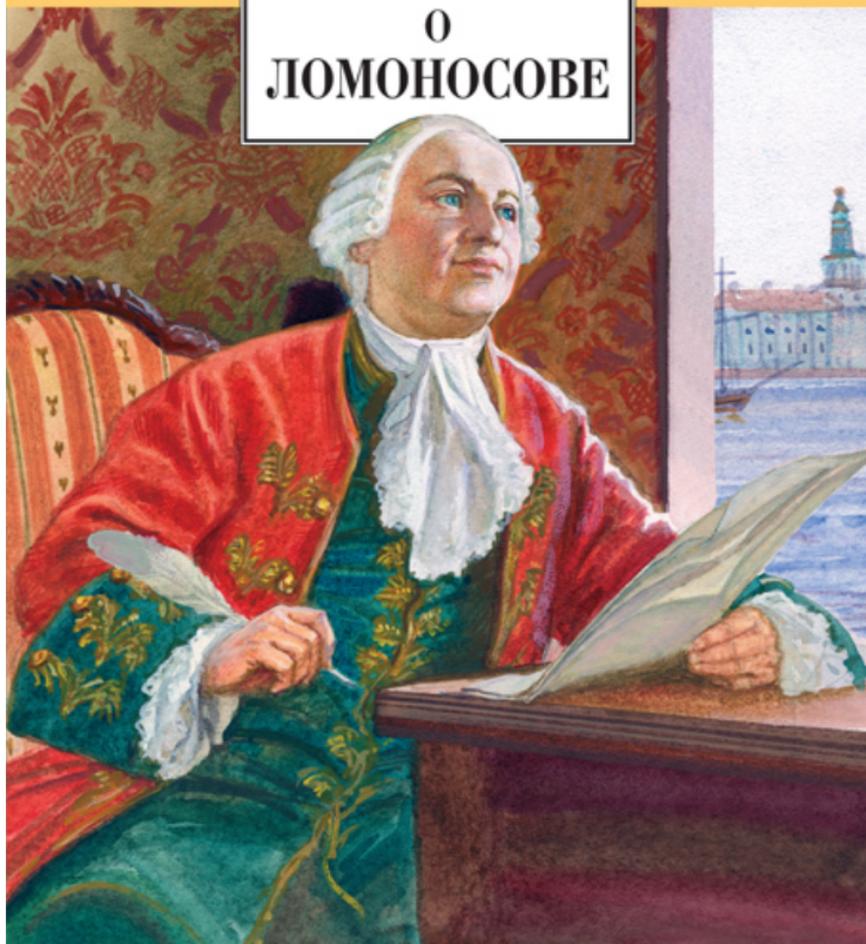

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОВЕСТИ
О
ЛОМОНОСОВЕ

Сергей Алексеевич Андреев-Кривич
Повести о
Ломоносове (сборник)
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982186

Повести о Ломоносове: Детская литература; М.; 2011

ISBN 978-5-08-004683-4

Аннотация

В книгу вошли две исторические повести о великом русском ученом М. В. Ломоносове. В повести «Крестьянский сын Михайло Ломоносов» С. А. Андреева-Кривича рассказывается о юношеских годах Ломоносова, о его стремлении к познанию и образованию. Автор собрал все известные документальные материалы об этой поре жизни Михайлы Ломоносова и на их основании построил свою интересную повесть. «Повесть о великом поморе» Н. А. Равича посвящена деятельности Ломоносова в Петербургской академии наук, его борьбе за русскую науку, за открытие первого университета в России. В ней рассказывается о работах Ломоносова в различных областях

науки, литературы и искусства, о самоотверженном служении своему народу. Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Михайло Васильевич Ломоносов	7
От редакции	22
С. А. Андреев-Кривич	26
Глава первая	28
Глава вторая	38
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Сергей Алексеевич
Андреев-Кривич, Николай
Александрович Равич
Повести о Ломоносове**

© Андреев-Кривич С. А., наследники, 1960

© Равич Н. А., наследники, 1947

© Морозов А. А., наследники, вступительная статья, 1990

© Бритвин В. Г., иллюстрации, 2011

© Оформление серии, примечания. ОАО «Издательство
«Детская литература», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Михайло Васильевич Ломоносов

(Очерк жизни и деятельности)

...Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезет в Москву.
Будешь в университете –
Сон свершится наяву!

Н. А. Некрасов. «Школьник»

В ноябре 2011 года исполняется 300 лет со дня рождения великого сына нашей Родины Михаила Васильевича Ломоносова. Это имя, как имя А. С. Пушкина и многих других российских гениев, составляет гордость и славу России. Не было почти ни одной отрасли знания, куда бы не проникла его пытливая мысль и где бы ему не пришлось сказать новое слово. Химия, физика, металлургия, астрономия, естествознание, география, геология, история, искусство, поэзия – таково многообразие творческой деятельности Ломоносова. Его жизнь – это вечный пример неутомимого дерзания, бескорыстной любви к науке и самоотверженного служения

своему народу.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в деревне Мишанинской¹ на Курострове, одном из больших островов, образованных неподалеку от села Холмогоры рекой Северной Двиной, примерно в 150 км от впадения ее в Белое море. Днем рождения его принято считать (точно не установлено) 8 (19) ноября 1711 года.

Отец, Василий Дорофеевич Ломоносов (1681–1741), был черносозным или, иными словами, государственным крестьянином. Расселившись вдали от феодальных центров, русские поморы не знали личной крепостной зависимости от помещиков. На Севере варили соль, гнали смолу, добывали слюду и железо, строили и снастили морские суда. На беломорском Севере развивалась своеобразная народная культура. Северяне помнили и бережно передавали из рода в род эпические сказания о подвигах русских богатырей. Среди них была распространена грамотность и уважение к печатной и рукописной книге. Опытные кормщики знали основы навигации и умели пользоваться компасом.

В. Д. Ломоносов кроме сельского хозяйства занимался морским промыслом. Примерно в 1721 году он, один из первых на Севере, построил «новоманерный гуккор» – парусное судно нового типа, какими Петр I приказал обзаводиться поморам. На гуккоре вместе с отцом Михайло Ломоносов со-

---

¹ По другим сведениям, М. В. Ломоносов родился в деревне Денисовке, которая находилась рядом с деревней Мишанинской.

вершал дальние плавания вдоль берегов Белого моря и Ледовитого океана. Полные трудов и опасностей морские переходы закалили Михайлу физически, воспитали в нем твердость духа, решительность и неустрашимость, обогатили его множеством разнообразных впечатлений. В мальчишке рано пробудилась любознательность и развилось живое чувство природы – непосредственный источник поэтического чувства.

Пытливо присматривавшийся ко всему юноша скоро пристрастился к книжному чтению. Грамоте он обучился у соседей и у знакомого дьячка. Вскоре ему удалось раздобыть лучшие по тем временам книги: «Грамматику» церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого и «Арифметику» Леонтия Магницкого, которые он впоследствии называл «вратами своей учености». «Арифметика» Магницкого, изданная в Москве в 1703 году, отвечала потребностям петровского времени. Кроме курса начальной математики она содержала различные теоретические и практические сведения по физике, географии, астрономии и навигации.

Жажда знаний все сильнее овладевала Ломоносовым. И вот он задумал неслыханное дело. В конце 1730 года, запасшись паспортом, который он получил в Холмогорах с помощью земляков, Михайло, по-видимому против воли отца, ушел в морозную ночь пешком вслед за рыбными обозами, направляющимися в Москву. И он не только дошел, но и сумел поступить в единственную высшую школу того времени – Славяно-греко-латинскую академию, хотя для этого ему

пришлось выдать себя за сына дворянина.

В академии обучение производилось на латинском языке, которого Ломоносов не знал. И девятнадцатилетнему юноше пришлось учиться «с малыми ребятами», которые над ним смеялись. Он терпел нужду и голод. «Имея один алтын² в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку³ хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил», – вспоминал впоследствии Ломоносов в письме к И. И. Шувалову.

Он овладел латынью и углубился в чтение античных писателей: Вергилия, Овидия, Горация, кроме того, увлекся философской поэмой Лукреция Кара «О природе вещей», содержащей изложение учения великих материалистов древности – Демокрита и Эпикура об атомистическом строении мира. Книги, вышедшие в петровское время, – «Космотеорос» нидерландского ученого Христиана Гюйгенса, популярные труды ученых Петербургской академии наук и иностранных исследователей по физике и философии познакомили Ломоносова с новейшим естествознанием, в частности с учением польского астронома Николая Коперника и физическими воззрениями Рене Декарта.

Обучение в Славяно-греко-латинской академии, где гос-

---

² А л т ы н – старинная монета в 6 денег или в 3 копейки.

³ Д е н е ж к а – старинная медная монета в полкопейки.

подставовала схоластика⁴, не удовлетворяло Ломоносова. Его тянуло к практическим делам. И вот в самом конце 1735 года в его жизни наступает решительный перелом. В числе лучших учеников академии он был вытребован в Петербург и зачислен студентом при основанной в 1725 году Петром I Академии наук. Занимаясь в «физическом кабинете» Петербургской академии, Ломоносов обнаружил выдающиеся способности и вскоре (осенью 1736 года) был отправлен для изучения химии и горного дела в Германию.

Обучаясь в Марбурге у известного в то время ученого и философа Христиана Вольфа, отличавшегося энциклопедическими знаниями, Ломоносов почерпнул от него много фактических сведений в разных областях науки. Наряду с физикой и химией молодой ученый из России уделял большое внимание изучению иностранных языков и теории литературы, особенно вопросам стихосложения. Он усердно изучал приобретенный им незадолго до отъезда за границу трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», вышедший в 1735 году. Это отразилось на его поэтической практике. Среди дошедших до нас студенческих тетрадей Ломоносова – переписанные им тексты оды древнегреческого поэта Анакреонта «К лире» на семи языках. Русский перевод сделан самим Ломоносовым и предположительно относится к 1738 году.

---

⁴ С х о л á с т и к а – тип религиозной философии, сухого и формального подхода к богословию.

Летом 1739 года Михаил Васильевич с двумя товарищами, Виноградовым и Рейзером, переехал во Фрейберг (Саксония) к «горному советнику» Генкелю для изучения горного дела и металлургии. Ломоносов спускался в рудники, беседовал с опытными рудокопами и плавильщиками. Кроме того, во Фрейбурге он написал патриотическую оду о победе русских войск – овладении турецкой крепостью Хотин в 1739 году. По словам В. Г. Белинского, с нее, «по всей справедливости, должно считать начало русской литературы».

В мае 1740 года Ломоносов уехал обратно в Марбург для продолжения изучения теоретической физики. Здесь он женился на сироте, дочери бывшего местного пивовара Елизавете Цильх.

8 июня 1741 года Ломоносов возвратился на родину. Вскоре его зачислили адъюнктом⁵ по физическому классу Академии наук. Работать ему приходилось в тяжелых условиях. Назначенное жалованье месяцами не выплачивалось или выдавалось... книгами. В 1743–1744 годах Ломоносов более полугода провел под домашним арестом, что было вызвано столкновениями с реакционными немецкими академиками, стоявшими во главе Академии наук.

Но эти годы были и чрезвычайно плодотворными. Одну за другой ученый представляет диссертации по важнейшим вопросам физики и химии. 25 июля 1745 года Ломоносов становится профессором химии и полноправным членом Пе-

---

⁵ А д ъ ю н к т – научный ассистент или помощник профессора.

тербургской академии наук. Но химической лаборатории в академии еще не было. После долгих хлопот Ломоносова в сентябре 1748 года она была построена по хорошо продуманному им плану.

Ломоносов был одним из крупнейших новаторов в химии как по смелости и глубине теоретического мышления, так и по экспериментальной работе. Он вводил в лабораторную практику различные новые методы физического исследования, в частности пользовался микроскопом для изучения структуры различных веществ и наблюдения за химическими процессами, а также разрабатывал рецептуру фарфоровых масс и пороховых составов. Увидев итальянские мозаики, он загорелся идеей создать «мозаичное художество» в своем Отечестве. Проделав около 4 тысяч опытов, он разработал рецептуру мозаичных составов – смальт, сверкавших как самоцветы и обеспечивающих большее разнообразие и глубину оттенков, чем у прославленных итальянских мозаичистов. Он построил небольшую фабрику для производства смальт и сам набирал большие мозаичные картины и портреты: Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II и др.

Только в одном этом деле Ломоносов проявил себя как химик и техник, художник и историк. В работе над мозаиками сказалась одна из характернейших черт его творческой деятельности – многообразие интересов и вдохновенный практицизм.

При всей широте и многообразии научная и практическая

деятельность Ломоносова отличалась большой целеустремленностью. Он стремился постичь единство законов, управляющих природой. Он изучал мир во всей безграничности его проявлений, начиная от незримых атомов, составляющих все тела природы, и кончая небесными светилами, рассеянными в необъятной Вселенной.

Глубокий подход к изучению природы, материалистическая направленность мысли позволили Ломоносову прийти к гениальному обобщению – сформулировать «всеобщий закон природы», впервые изложенный им в письме от 5 июля 1748 года к знаменитому математику Леонарду Эйлеру, позднее – в своем труде «Рассуждение о твердости и жидкости тел», напечатанном на русском и латинском языках в 1760 году. «Все перемены, в Натуре случающиеся, – писал Ломоносов, – таково суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому, так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте... Сей великий всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает...»

Истинное познание было возможно для Ломоносова только на основе единства теории и опыта. Физики и химики XVIII века представляли себе материю в отрыве от движения. Свойства самой материи объяснялись существованием

неких особых посторонних и неуловимых материй. Ломоносов был убежденный атомист, он утверждал, что все многообразие мира можно постичь, только изучив строение вещества, подчеркивал необходимость проникнуть в тайну атомов – первоначальных частиц, составляющих основу мироздания.

Не было почти ни одной отрасли естествознания того времени, где бы Ломоносову не удалось сказать новое слово или сделать какое-либо важное открытие. Ученый разработал теорию теплоты, рассматривая ее как особый вид внутреннего движения частиц самой материи. В своем гениальном сочинении «О слоях земных» он выдвинул идею изменяемости природы и определил геологию как науку о непрерывном изменении Земли. 26 мая 1761 года Ломоносов сделал открытие в астрономии: «Планета Венера окружена значительной воздушной атмосферой». Он первый высказал мысль об электрической природе северных сияний и разработал учение о движении воздуха в верхних слоях атмосферы, заложив тем самым основы новейшей метеорологии.

Вместе со своим другом, петербургским академиком Георгом Вильгельмом Рихманом, Ломоносов занимался изучением атмосферного электричества и производил опыты, опасные для жизни. 26 июля 1753 года Рихман погиб при проведении таких опытов во время грозы.

Чем бы ни занимался Ломоносов, какие бы великие и общие законы природы ни устанавливал, какие бы открытия ни

совершал, он стремился обратить достижения науки на благо своего народа, усиленно содействовать своим трудом «приращению общей пользы». Он прокладывал множество путей для развития русской науки и национальной культуры. «Он создал первый Университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим Университетом», – писал о нем А. С. Пушкин. Ломоносов занимался историческими разысканиями, обращался к древнейшему периоду русской истории – периоду образования Киевской Руси. Большое место в его деятельности занимали филологические науки. Он впервые на русском языке составил печатные труды: «Риторика» (1747) и «Российская грамматика» (1755).

Ломоносов настойчиво опровергал суждения, намеренно распространявшиеся иностранцами, что Россия бедна полезными ископаемыми или даже не может ими обладать в силу особенностей своего климата и географического положения. Он один из первых указал на исторические преимущества России, на ее неисчерпаемые возможности. С удивительной прозорливостью он указывал, что основой развития страны и залогом ее независимости является металл, и обосновал это в предисловии к своей книге «Первые основания металлургии, или рудных дел» (1763). Он поддерживал свои идеи и поэтическим словом:

...Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;

Богатство в оных потаенно,
Наукой будет откровенно...

В моря, в леса, в земное недро
Прострите ваш усердный труд,
Повсюду награжу вас щедро
Плодами, паствой, блеском руд.

Ломоносов видел нужду и горе народное, темноту и дикость нравов. Ломоносовская программа прогрессивного развития страны на началах науки и разума отвечала интересам народа. Однако, выдвигая эту программу в условиях феодально-крепостнического строя, он чрезмерно надеялся на государственные мероприятия, которые, как он искренне полагал, могли быть направлены «к приращению общей пользы». Одной из таких попыток было его знаменитое письмо, представленное И. И. Шувалову, «О размножении и сохранении российского народа» (1761), в котором он требовал от правительства принять неотложные меры для охраны здоровья населения, борьбы с детской смертностью и т. д. и указывал: «Побеги бывают более от помещичьих отягощенных крестьянам...»

Ломоносов стремился сделать науку всеобщим достоянием, и ему удалось положить этому блистательное начало: в 1755 году он добился открытия в Москве первого университета. Ученый-патриот приложил большие усилия к тому, чтобы открыть доступ в университет самым широким слоям

народа, без различия происхождения или сословия, чтобы в университет принимали не только дворян, но и разночинцев, даже «положенных в подушный оклад», в том числе и крестьян. Он писал:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов⁶
И быстрых разумом Невтонов⁷
Российская земля рождать.

И по его настоянию в Московском университете были открыты две гимназии: одна – для дворян, другая – для разночинцев.

В конце жизни Ломоносов отдал много сил на всестороннее изучение нашей страны. В 1759 году он стал во главе Географического департамента Петербургской академии наук, где велись большие работы по составлению генеральной карты России. Большое внимание Ломоносов уделял морскому делу. Он написал «Рассуждение о большей точности морско-

---

⁶ Платон (428–348 гг. до н. э.) – древнегреческий философ.

⁷ Имеется в виду Ньютон Исаак (1643–1727), английский физик и математик.

го пути» (1759), где подробно исследовал вопросы навигации и предложил разработанные устройства различных приборов, в частности высказал мысль о создании самопишущего компаса.

В сентябре 1763 года с целью побудить правительство к организации большой полярной экспедиции Ломоносов представил в Морскую российских флотов комиссию «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». 14 мая 1764 года экспедиция была разрешена и на нее были отпущены средства. Ломоносов принял деятельное участие в ее снаряжении новейшими приборами, составил подробную инструкцию для командиров, поставил научные задачи, связанные с изучением Полярного бассейна. Но экспедиция ушла в море уже после его смерти.

Ломоносов был подлинным преобразователем русской поэзии. «Петром Великим русской литературы» назвал его В. Г. Белинский. Для этого нужен был гигантский труд и талант Ломоносова. Потребовалось не только решительно порвать с прежней традицией стихосложения, обновить поэтический словарь и синтаксис, ввести новые значительные темы и т. д. Русская поэзия обрела неведомую ранее звучность и живописность. Это было новаторство необычайной силы.

Поэзия Ломоносова выросла на прочной народной основе. Необыкновенное чувство русского национального языка, во всех его оттенках, позволило ему расчистить и обновить

пути русской поэзии и указать ей верное направление. Ломоносов был замечательным знатоком русского языка, он заботился о его чистоте, боролся против засорения его иностранными словами. В своей «Российской грамматике», первой научной грамматике русского языка, он впервые четко разграничил русский общенародный и старославянский языки. В «Риторике» он разработал вопросы стилистики, имевшие большое значение для развития русской поэзии.

Ломоносов написал несколько десятков похвальных и духовных од, стихотворения, а также прозаические произведения. Форму од он выбрал, ссылаясь на пример античной поэзии, и продолжал в своих «похвальных словах» традиции придворного панегирика⁸ петровского времени. Но гений Ломоносова сумел вложить в оды страсть и пафос нового содержания: они полны праздничности, необыкновенной энергии, грандиозных образов и сравнений, четкого и выразительного ритма, движения, чувства природы, но в то же время и мотивов демократического протеста.

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне – дна.

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

---

⁸ П а н е г и р и к – ораторская речь хвалебного содержания.

Творчество Ломоносова отразило рост национального самосознания русского народа. Поэт воспитывал своей поэзией в русских людях чувство национальной гордости и патриотического долга. Его поэзия в итоге была обращена к народу и служила народу, отражая стремительное развитие могущественного русского национального государства, и как бы воплощала в себе бурную энергию и созидательную силу великого русского народа.

Ломоносов умер 4 (15) апреля 1765 года в Петербурге. Его смерть отозвалась глубокой скорбью по всей стране. Похороны состоялись 8 апреля 1765 года в Александро-Невской лавре при невиданном стечении народа.

Имя Ломоносова проникало в самые отдаленные уголки России, оно увлекало и звало за собой, окрыляло мечтой о науке выходцев из народа, поддерживало и ободряло их на тернистом пути к знанию и культуре.

Александр Морозов

От редакции

Эта книга о великом русском гении состоит из двух повестей: «Крестьянский сын Михайло Ломоносов» С. А. Андреева-Кривича и «Повесть о великом поморе» Н. А. Равича.

Русский советский литературовед Сергей Алексеевич Андреев-Кривич (1906–1973) родился в Пятигорске. После окончания школы он поступил на филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и окончил его в 1930 году. Уже в 1931 году он начал печататься. Много внимания в своем творчестве он уделял исследованиям о жизни и деятельности знаменитых людей России: М. Ю. Лермонтова, М. В. Ломоносова, А. И. Герцена.

Сергей Алексеевич прошел фронтовые дороги Великой Отечественной войны. После окончания войны выходят в свет его основные книги, посвященные творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова. Он выяснил исторические источники поэмы «Измаил-Бей», обнаружил новые данные о кабардино-черкесском фольклоре, отразившемся в творчестве Лермонтова. Этой теме писатель посвятил книгу «Нарты. Кабардинский эпос» (1957), в которой опубликовал произведения кабардинского народного творчества. В книге «Тарханская пора» (1963) он мастерски соединил подлинные рассказы о жизни поэта в Тарханах и научное исследование его

творчества. Писатель впервые опубликовал в ней записанные им уцелевшие народные песни, бытовавшие на родине поэта. В книге «Всеведение поэта» (1973) он закончил свои исследования и разыскания о М. Ю. Лермонтове.

Перу С. А. Андреева-Кривича принадлежат две повести о жизни и деятельности Михаила Васильевича Ломоносова: «Крестьянский сын Михайло Ломоносов» (1960) и «Может собственных Платонов...» (1968). Первая посвящена отрочеству Михайлы Ломоносова и периоду, когда он выбирал свой жизненный путь вопреки всем преградам. Писатель долго изучал крестьянскую жизнь поморского Севера, фольклор рыбаков, народные песни и сказания. Он привлек новые материалы и приоткрыл завесу над такими обстоятельствами биографии Ломоносова, которые долго оставались неясными. Сергей Алексеевич собрал все данные, что известны об этой поре жизни Ломоносова, и построил повесть на документальном материале. Вторая повесть рассказывает о тернистом пути гениального «архангельского мужика» и становлении и деятельности ученого.

«Повесть о великом поморе» принадлежит перу русского советского писателя Николая Александровича Равича (1899–1976). Он родился в Москве в семье врача. В молодости был участником Октябрьской революции и Гражданской войны; в 1921–1926 годах находился на дипломатической службе. В мемуарах «Молодость века. Война без фрон-

та» (1960) писатель рассказал о событиях, свидетелем которых был в период Гражданской войны, о подпольной работе в Белоруссии, оккупированной Польшей, о службе в штабе Юго-Западного фронта, а также о работе в Афганистане и Турции в годы национально-освободительного движения в этих странах, когда по роду деятельности ему приходилось встречаться со многими выдающимися людьми.

Н. А. Равич начал печататься с 1926 года. Он автор многих пьес: «Шестая мира» (стихи А. Жарова; 1931), «Завтра» (1932), «Чай» (1933), «Ошибка профессора Воронова» (совм. С. Никифоровым; 1935), «Снег и кровь» («Машинист Ухтомский», 1934) и др., – а также киносценариев: «Торговцы славой» (1936), «Суворов» (совм. с Г. Гребневым; 1940). Роман «Две столицы» (1962) писатель посвятил А. Н. Радищеву и Екатерининской эпохе. Большое место в творчестве Равича занимают очерки о зарубежных странах: «По дорогам Востока» (1958), «Размышления в пути» (1961), «В новой Германии» (1961), «В центре Европы. Чехословацкие зарисовки» (1962), «Австрийская мозаика» (1964), «По дорогам Европы» (1964), «Из голландской тетради» (1965), «Румынская весна» (1967) и др. Некоторые произведения писателя переведены на иностранные языки.

Н. А. Равичу принадлежат также очерки в жанре литературного портрета известных людей его времени: А. Н. Толстого, М. Кольцова, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай, Ф. Э. Дзержинского и др. Он был также переводчиком книг

с французского и польского языков.

«Повесть о великом поморе» написана в 1947 году. Автор рассказывает в ней о борьбе гениального русского ученого против засилья немецких ученых в Петербургской академии наук, за открытие университетов в России и доступ в них самых широких слоев народа, без различия сословий. И эта деятельность Ломоносова дала всходы: талантливые русские люди стали учеными – химиками, физиками, географами. При его поддержке появилась плеяда замечательных русских художников и скульпторов (многие из них были крепостными, и без помощи Ломоносова их талант пропал бы напрасно). Н. А. Равич дал очерк жизни и деятельности ученого в основном во время царствования Елизаветы Петровны и красочно описал деятелей ее эпохи и придворных.

С. А. Андреев-Кривич КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

*Великий характер, явление, делающее честь
человеческой природе и русскому имени.*

В. Г. Белинский о М. В. Ломоносове

Глава первая

КАПИТАН БРИГАНТИНЫ ОШИБСЯ

Ранней весной легли на курс от Кúрострова поморские суда. Отчалив от крутого берега Куропблки, на котором стоит сбегаящая избами к воде деревня Мишáнинская, пошел по Северной Двине на Архангельск и ломоносовский гуккор*⁹ «Чайка», на Архангельск и дальше – к Белому морю и за Святой Нос, в океан. Новый мореходный год, 1728-й, начался.

Идет в плавание ломоносовский корабль. На курс легли рано, с зарей. Жесткие, набухшие влагой от проморосивше-

---

⁹ Звездочкой отмечены слова и выражения, значение которых даны в примечаниях в конце книги.

го поутру дождя паруса выдались вперед крутыми полукружьями; подавшись на правый борт, гуккор роем носом волну, поднимается на встречный большой вал, оставляя за кормой пенную грядку.

Большая двинская вода спала, река посветлела и легла в берега. По заплескам* разбросан обломанный и обтертый льдом выкидной лес-плавун и спутавшиеся корнями лохматые пни-выворотни, обсохла нанесенная в половодье на кусты прибрежного тальника трава.

По левому борту осталась Курья, погост* и церковь. Идут двинские берега, то устланные у крутого ската дресвою*, то плавно врезающиеся в воду отмелями из тонкого наносного песка.

Вот уже в последний раз вспыхнул весенний солнечный свет по влажной гряде Палишинского ельника*. Речная излучина, поворот – и родной берег пропадает за густой порослью уже набравшегося листвой прибрежного ивняка. Река пестреет серыми тугими парусами.

Тихо на судах. Идут поморы* на нелегкий и опасный морской промысел. Как-то вернутся они домой? Ведь почти каждый год бывает, что, не встретив среди возвратившихся куростровцев мужа, или отца, или жениха, вскинет высоко руки и зарыдает жена, или дочь, или невеста...

Думается плывущим в море о своей жизни и судьбе. Но больше чем кто-либо другой думает об этом Михайло Ломоносов.

Уходя в плавание, Василий Дорофеевич Ломоносов, Михайлин отец, был особенно озабочен.

Михайле уже шестнадцать, семнадцать, и не в первый раз он идет с отцом в море. Шесть лет он помогает отцу на судне. И давно Василий Дорофеевич решил, что хороший у него помощник растет. Еще как в первый раз ходил Михайло на море на только что состроенном тогда гуккоре «Чайка», случилась за Святым Носом буря. Когда с севера краем стала заноситься в небо аспидная* океанская туча, вдруг налетел вихрь. Не все паруса успели снять, и в неубранный парус так ударило шквалом, что судно сразу же достало до воды бортом. Когда стали рвать парус, веревка застряла высоко на мачте. Никто не успел еще опомниться, а Михайло уже залез на мачту и срубил топором веревку. Парус упал. Гуккор зашатался с борта на борт, выровнялся, опасность миновала.

«Хорошо носишь свое имя, Ломоносов, – сказал ему в тот день отец, – хорошо. – И, осмотрев Михайлу с головы до ног, добавил: – Человеку на море первое испытание».

А когда Василий Ломоносов видел, как ловко Михайло справлялся и дома по хозяйству, и в поле, еще больше тогда он убеждался, что сын в делах ему – первый пособник.

Перед самым отплытием Василий Дорофеевич заперся с сыном наедине. Беседуя с ним, он сказал:

– Вот что, Михайло. Мы, Ломоносовы, вековые здесь, в Двинской земле, на Курострове и в Мишанинской деревне, где и ты родился. Вон об Артемии Ломоносове, что при

Грозном еще царе¹⁰ жил, по старым памятям знают у нас. Ну а никогда в нашем ломоносовском роду того, чего достиг я, не бывало.

Хозяйство Василия Дорофеевича пошло от общего ломоносовского, во главе которого долгие годы стоял самый старший Ломоносов – Лука Леонтьевич. Но прошло время, и отделился Василий Дорофеевич. Размежевали они старинный ломоносовский надел пахотной земли, поставил Василий Ломоносов свой дом и стал сам по себе, своим разумением, счастья и прибытка искать. Минул недолгий срок – пошло его хозяйство в гору, соорудил он себе новоманерный гуккор. Большое по здешним достаткам дело. Глядят, бывало, на ладное судно Василия Ломоносова куростровцы и похваливают: добрый, мол, корабль. А хозяин при этом довольно промолвит: «Помалу в труде достатка прибывает».

Вот стоит на идущем по Северной Двине гуккоре перед Михайлой Ломоносовым его отец – высокий, крепкорукий, смелый. Со всяким делом справится и не сдаст перед любой опасностью.

Однажды шли они по осеннему океану домой. К ночи упал резкий ветер, сразу заходила волна. Чуть ли не сутки носил и метал океан «Чайку», и все это время не отходил от румпеля отец, не пил, не ел и вывел-таки судно, спас и людей, и корабль от гибели. Хорошо запомнилось Михайле лицо отца в свете качающегося во все стороны корабельного

---

¹⁰ Речь идет о царе Иване IV Грозном (правил в 1547–1584 гг.).

фонаря, склоненное над компасом, мокрое от холодных водяных брызг, серое, каменное. Только тогда снял отец с румпеля* занемевшие руки, когда вогнал гуккор промеж двух узко сошедшихся скал, вогнал точно посредине, меж ходивших у их подножия бурунов, и ввел его в спокойную губу*.

Что же, жизнь у отца под рукой. Но только ли в отцовской жизни мера? Может, есть и еще какая другая жизнь? Бóльшая?

Продолжая разговор с сыном в тот день перед отплытием, Василий Дорофеевич сказал ему еще:

– Ныне я, сам знаешь, при особом еще занятии. В «Кольском китоловстве»* состою и к Груманту* на китовый бой хожу. В прошлом годе, как там на корабле «Грото-Фишерей» был, на всякое довелось наглядеться. Не без опасности дело. В этом году туда же на китобое «Вальфиш» пойду. С кораблем всякое случается. «Грунланд-Фордер», к примеру, помнишь?

Про это все хорошо помнили. Несколько лет назад «Грунланд-Фордер», принадлежавший «Кольскому китоловству», разбился у Зимнего берега*. Все люди погибли.

– Ну и с гарпуном* около кита нелегко... – вздохнул Василий Дорофеевич. – По морскому делу и с жизнью и со смертью запросто. Ты же мне наследник. Ну, это так, про всякий случай. А вот что хочу тебе сказать: пора уже тебе к делу полностью поворачиваться, руки на него класть. Делу нашему, ломоносовскому, ход должен быть.

То, что происходит с Михайлой в последнее время, – это ничего. Так думалось отцу. С кем подобного не случалось? Мечтание... Вот эти новые его книги. Перегорит... Ведь от тринадцати лет до пятнадцати был Михайло в старой вере*, сам к ней пришел. Ну и ушел обратно. Перегорело. Голова-то у парня на плечах есть. Поймет он, что его, Василия Ломоносова, правда крепкая.

Отцовская правда – правда ли? В чем же его жизни быть? Есть о чем задуматься сейчас Михайле Ломоносову.

Идет на Архангельск гуккор «Чайка». Под всеми парусами вышел он на Северную Двину у Спасского погоста. Это приметное для поморов место.

Выше по течению Северная Двина разбилась на рукава-полби*, самые большие из которых Курополка, Быстрокурка, Богоявленка. Пройдя по полям у намытых течением песчаных кос и поросших густым тальником отмелей, пробившись через угористые глинистые берега, здесь, у Спасского погоста, двинские воды снова собираются в одно русло. Вновь Северная Двина одним течением идет от берега до берега через матерую землю, и по всей речной ширине в ветровую погоду опять от края до края катится одна шумящая косая волна. Здесь начало большому плаванию.

Еще шесть лет назад Лука Леонтьевич Ломоносов, знаменитый беломорский кормщик*, дал Михайле подержать здесь руль корабля – окрестил его поморским крещением, самый старший Ломоносов самого младшего.

Вот уже с далеко видными старинными монастырскими церквями показалась за придвинскими лесами на высоком берегу Лявля. Завтра «Чайка» будет в Архангельске.

Свечерело. Некоторые суда отвернули к берегу на ночевку. Те, что продолжали еще идти в падающих сумерках, зажгли корабельные огни, вытянулись в одну линию и сторожко шли друг за другом. По ночной реке плыть под парусами непросто.

Прокладывает путь ломоносовский гуккор. Стоя у руля, ведет его всматривающийся в сгустившуюся над водой мглу Михайло Ломоносов, кормщик.

В Архангельске пробыли недолго. Взяв поручения на компанейском дворе «Кольского китоловства» к директору китоловства, бранденбургскому торговому иноземцу Соломону Вернизоберу, гуккор «Чайка» пошел на Колу.

Отчалив от Гостиного двора*, опять идет «Чайка» по Северной Двине. Подкатывает под нос корабля встречная невысокая волна, скрипят мачты, тихим шумом шумят паруса.

Отец подошел к стоявшему у борта Михайле.

– Сомневаешься? Отцовской правде не веришь? Так вот, когда срок подойдет, примешь, стало быть, мое, а там, давай Бог тебе удачи, и дальше пойдешь. Достатку-то и еще прибудет. На тебе, Михайле Ломоносове, наш старый ломоносовский род самой большой высоты и достигнет.

Отец говорил о таком, что должно было его, Михайлину, жизнь решить. Кем же ему, Михайле Ломоносову, быть?

Минуло два месяца.

Китобой «Вальфиш» делал последние приготовления перед отплытием из Кольского острога к Груманту, и вместе с кандалакшанином¹¹ Степаном Крыловым и иноземцем Аврамом Габриэльсом, которые также в этом году должны были участвовать в китовом бое, готовился к выходу в океан Василий Ломоносов. «Чайка» же шла к Курострову, спеша домой к сенокосу. Делу не должен быть ущерб, рассудил хо-

---

¹¹ К а н д а л а к ш а н и н – из села Кандалакша.

зыйственный Василий Дорофеевич и, готовясь к уходу на китобойный промысел, распорядился, чтобы сын плыл домой и справлялся бы уже в сенокосную страду сам.

В эту пору из Голландии, Англии, Испании и других заморских стран сходились к Архангельску груженные товарами купеческие корабли. В большом караване, который вел под охраной военный многопушечный фрегат*, плыла к Архангельску и голландская двухмачтовая бригантина*.

Капитан бригантины в русский порт пришел впервые. Еще в Амстердаме много говорил он со своим старым другом, долго жившим в России. И сейчас, когда бригантина медленно подтягивалась к насланной от берега в Двину корабельной пристани, голландский капитан не отрываясь смотрел в подзорную трубу на открывавшуюся его взору русскую землю.

Ему вспоминалось то, что говорил его амстердамский друг. И так же как и тогда, он отрицательно покачивал головой и повторял ту же фразу: «Piter. Kaptein Piter»¹². Так он отвечал в Амстердаме старому приятелю, рассказывавшему ему о России.

Все сделал Петр. Один. Но он умер. Об этом говорил капитан. И что? Россия победила Швецию? Полтава?* Гангут?* Да! Но победа в войне – не полная победа. Она иногда может быть даже обманчивой. Даже вредной. Народ должен

---

¹² Петр. Шкипер Петр (гол.).

уметь победить в труде. Вот настоящая победа! Созидание. А для этого нужны науки. Есть они в России? Только тот народ достоин будущего, который способен рождать собственных Платонов, Ньютонов. Да и есть ли у Петра преемник?

И недоверчивый капитан качал головой.

Нет...

Все это и вспоминается ему сейчас. Он медленно обводит подозрной трубой все протяжение берега и снова качает головой. На его лице надменная усмешка.

Нет...

Капитан поворачивается к реке. Первый, второй, третий парус прошли в кругу подозрной трубы. Ненадолго взгляд капитана бригантины задерживается на двухмачтовом судне, ловко сделавшем сложный маневр. Но уже через мгновение взор его безразлично скользнул по фигуре стоявшего у руля молодого кормщика, даже не остановившись на выведенном по борту названии «Чайка». И снова немало на своем веку повидавший голландский капитан отрицательно покачал головой.

Нет...

Глава вторая

ОБОЖЖЕШЬСЯ – ТОЖЕ УЧЕНИЕ

Пройдя полосу до того места, где луг упирался в частый низкий кустарник, Михайло поднял косу, отер ее пучком срезанного осота, положил на плечо и пошел по скошенному полю вниз, к дороге.

Над лугом стоял запах только что упавшей под косой росистой мягкой травы. Открывшаяся земля сильнее отдавала сыростью. От корней тянуло застоявшейся прелью и сладким духом почвенных соков. Поднявшееся уже высоко июльское солнце провяливало длинные ряды травы, которыми вплоть до леса был уложен луг.

Время близилось к полудню, надо было кончать на сегодня сенокос. Роса с травы уже сходила.

Дойдя до ветвистой ветлы, которая стояла у самой дороги, Михайло присел отдохнуть, выпил квасу из глиняного запотевшего кувшинчика, вытер губы рукавом холщовой рубахи, смахнул соленый пот, который каплями струился по лбу и ел глаза, и устало и сладко потянулся.

На соседней пожне*, не замечая, что Михайло уже кончил работу, широко махал косой деревенский сосед Ломоносовых, Шубный.

– Эй, эй! Иван Афанасьевич! Кончать пора!

Когда Шубный и Михайло уже вышли на дорогу, которая

изгибом подходила почти к самой ломоносовской усадьбе, из-за поворота навстречу им показался одетый в заплатавшую рубаху старик. За спиной на двух веревках у него болтался заплечный мешок. Старик шел тяжело, опираясь на посох. Михайло и Шубный не сразу его узнали.

– Э-э, Михайло! – приветливо сказал старик.

– Дядя Егор...

– Чай, не признал?

– Да малость ты...

– Верно, верно. Полтора года странствую. И в стужу, и в мокрядь. Не красит, не красит... Ох, нет! В скитах был, в скитах*. Спасался. От мерзости. Отдохну теперь – опять пойду. В Выговскую пустынь* пробираться буду. Там, у Денисовых, древнее благочестие¹³ блюдетя. Пойдешь со мной?

– Зачем Михайле в Выговскую пустынь? – спросил Шубный.

Старик только хмуро поглядел на него, не удостоил ответом и продолжал:

– Был я в Пустозерске, где протопоп Аввакум* жил и в огне преставился, не желая принять никонианскую ересь. Мученическую смерть прияв, во блаженстве теперь обретается. Вот щепу от ограды дома, в котором Аввакума сожгли, несую.

Он снял заплечный мешок, достал из него кусок дерева и бережно протянул Михайле щепу.

Что бы сделал сам Егор при таком случае? Осенил бы себя

---

¹³ Д р е в л е е благочестие – старая вера.

крестным знаменем. А не то припал устами. Может быть, след руки великого страстотерпца запечатлен на этой щепе!

Михайло не двигался.

– Давненько ты, дед, здесь не бывал, давненько... – сказал Шубный. – Михайло уж когда раскол оставил.

Дед недоуменно поглядел на Михайлу. Потом раскрыл мешок, чтобы положить туда щепу.

– Э-хе-хе-хе! Стало быть, Михайло, ты вроде той махавки*, что по ветру то туда, то сюда поворачивается? Выгоды, что ль, больше у никониан? Это ты тогда рассудил правильно. У нас-то, кто древлего благочестия держится, кроме страдания, ничего...

– Страдание велико правдой...

Дед посмотрел на щепу. Что это – не кровь ли святого страдальца выступила на ней? Вот и лица Михайлы и Шубного поплыли в сторону в красном тумане, расплываются... Будто смеются Михайло и Шубный... Смеются?

Ни тот ни другой не смеялись.

Страшный крик вырвался из груди деда.

– А-а-а! Кошунствуешь? Нет правды в древнем благочестии?

Дед высоко занес посох и изо всей силы опустил его на Михайлу. Но Шубный успел схватить старика за руку, удар не пришелся в голову, и палка, лишь скользнув по руке, с силой ударилась о землю и отлетела в сторону. Михайло стоял бледный, но спокойный, не двинувшись с места.

Рубаха Шубного распахнулась, и из-под нее выбился наглый крест.

Сумасшедшими глазами дед смотрел на серебряный крест – четырехконечный, никонианский!

– Крыж! Крыж! Латинский!

Ведь святой крест только об восьми концах! А это – крыж! Так называют крест поляки – католики! Этот четвероконечный крест чтут и никониане, ругающиеся над истинной ве-

рой!

– Никонианы! На лбу клéйма! Огненные! Вот! Вот! Горят!
Дед отшатнулся. На лице его изобразился ужас, он весь затрясся.

– Меченые! Меченые!

Несколько мгновений все трое стояли неподвижно. Наконец дед рванулся вперед, к Шубному, чтобы сорвать с его груди четырехконечный латинский крест, сорвать и истоптать ногами, вколотить в дорожную пыль! Но нога его попала в глубокую колею, он покачнулся, не устоял и со всего размаха упал на землю. Михайло бросился поднимать деда, но тот лежал не двигаясь, закрыв голову руками.

Шубный тихо тронул Михайлу за плечо:

– Пойдем...

Как Михайло ушел в раскол?

И на Курострове, и в Холмогорах было много старообрядцев – и явных, и тайных. В 1664 году, направляясь в далекую ссылку, более трех месяцев прожил в Холмогорах сам глава раскола, неистовый протопоп Аввакум.

По всему Северу шла яростная пря¹⁴ о старой и новой вере*.

В зимний день Михайло возвращался из Холмогор. По верхней куростровской дороге он подъезжал к своей деревне. В Екатерининской церкви только что отошла обедня, и

---

¹⁴ П р я – спор.

под колокольный звон прихожане выходили за церковную ограду.

Лошадь бежала рысью. Крепко упершись ногами в устланное соломой дно саней, Михайло во весь рост стоял в розвальнях*.

Собравшуюся у ворот толпу он увидел издали.

Толпа обступила что-то возбужденно говорившего старика. Михайло узнал деда Егора. Тот «обличал»... «Никонияне» улыбались, раздавался смех, деда стали теснить к ограде, понемногу поталкивать. Но смеялись далеко не все. У некоторых загорался злой огонь в глазах. Вот уж к деду потянулись руки.

Когда Михайло подъехал вплотную, дед уже стоял прижатый к ограде. Высоко подняв руки для защиты, он продолжал выкрикивать обличения. Михайло подоспел вовремя.

Он ударил кнутом лошадь, и она пошла грудью на людей. Толпа раздалась. Соскочив с саней, в большом овчинном тулупе, не выпустив из рук кнута, он прошел через толпу. Когда Михайло, посадив в сани старика, тронул лошадь, никто еще не успел опомниться. Михайле было в то время около 14 лет, но у него были уже широкие плечи и не по годам он выдался ростом. И все хорошо знали нешуточный нрав молодого Ломоносова.

Михайло отвез старика домой и в следующие дни несколько раз к нему заходил.

Дед был старообрядцем-беспоповцем. Беспоповцы не

признавали не только попов, но и вообще церковь.

Старик хорошо помнил самого Аввакума. Многие годы просидев в срубе, в пустозерской земляной тюрьме, протопоп 14 апреля 1682 года был вместе с попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором сожжен «за великие на царский дом хулы».

Рассказывая как-то Михайле об Аввакуме, о том, как люто боролся он против патриарха Никона, который ввел в богослужение неслыханные новшества: отрекся от двуперстного крестного знамения, заставил креститься тремя перстами и молиться по кощунственно исправленным книгам, – старик обмолвился теми словами, которые произвели глубокое впечатление на молодого Ломоносова: «Не думай, Михайло, будто только тем и живо проповеданное Аввакумом истинное благочестие, что супротив отступника Никона он поднялся. Нет. Супротив тех, кто неправо над народом властвует, Аввакумова проповедь воздвигнута. Походил я по Руси. Случилось мне. Народу-то не везде легко-весело. А проще сказать: тяжко. Так-то».

Задумчивый шел Михайло в тот день домой. «А может, и в самом деле, – думал он, – в старой вере та правда, которая и для народа, и для каждого человека все решит?»

И Михайло Ломоносов стал ходить к раскольникам в их часовню, слушать надрывные и страстные раскольничьи беседы.

Темны были эти беседы... И того, что хотел узнать Ми-

хайло, испытующий правду старой веры, он так и не узнал.

«Да теми ли руками беду народную разводить? – думалось ему. – Старая ли вера своей правдой всю неправду на земле истребит?»

Он еще усерднее стал читать книги, которые с трепетом раскрывали искавшие истины неистовые Аввакумовы ученики.

И одну за другой, ничего не решив, закрывал Ломоносов тяжелые крышки этих больших книг.

В ту пору все более громкой становилась слава о Никольской пустыни*.

За лесами, в еловой чаще, на отшибе, отдалясь от сел и деревень, стал огородившийся частоколом скит, в котором учил справедливости умудренный в жизни и в старой вере старец Исаакий.

Туда-то и отправился Михайло Ломоносов.

После первых же Михайлиных слов, даже не дослушав до конца, старец сказал:

– Ты веры ищешь гордыней. Хочешь ее постигнуть сначала разумом. И ежели разум к ней приведет, тогда к подлинной вере и полагаешь обратиться. А веры искать надо смирением, не мудрствуя лукаво. – Старец усмехнулся: – Вдруг разумом веры-то не найдешь? А? Может, у разума и силы такой нету, и зренья такого? Бог дал человеку разум, но не дерзновение. И пойми ты, умная голова, что человеку прежде всего нужно. Что? Утешение ему нужно. Страдания человеку

много. Утешение же в вере. Побудь у нас, однако. Приглядишься. Искатель, видно, ты.

В Никольской пустыни в хорошо срубленных и толково поставленных кельях* в ту пору жило уже около восьмидесяти человек – мужчины, женщины, дети. Большею частью это был бедный люд. Здесь они были сыты, обуты, одеты.

Находясь в пустыни, Михайло встречал спокойные взоры людей, которые жили, не боясь завтрашнего дня. И разные мысли стали приходить в голову Михайле Ломоносову.

И вот наступил тот день...

Уже когда упали сумерки, в огороженный высоким частоколом двор Никольской пустыни с быстрого хода ворвался конный гонец. Сорвавшись с тяжело водившего боками взмыленного коня, гонец без промедления и доклада бросился прямо в келью к Исаакию. Выслушав прискакавшего из деревни Гаврилихи, что была в 15 верстах* от скита, Исаакий поспешно отправился к Максиму Нечаеву, также пустынножителю, богатому мужику из той же Гаврилихи, снабжавшему пустынь за свой счет хлебом и другими припасами.

Встревоженные скитники с беспокойством поглядывали на келью, в которой совещались Исаакий и Максим.

К Никольской пустыни подступал большой воинский отряд.

На раскольничий скит уже давно косился шенкурский воевода Михаил Иванович Чернявский. И когда до него дошла весть, что из деревни Гаврилихи в Никольскую пустынь

ушло еще несколько семей, он решил не откладывать более дела.

Снарядив воинскую команду, Чернявский отправился в путь.

По путаным лесным тропам, взяв в Гаврилихе понятых, шенкурский воевода ранним утром подступал к тревожно насторожившейся пустыни.

Исаакий и Максим, посоветовавшись между собой вчера, уже все решили. И потому безо всякого ответа отдали обратно посланцу Чернявского письмо, в котором воевода требовал сдачи всех раскольников.

Солдаты обложили пустынь.

Вновь Чернявский потребовал сдачи. Ответом ему было только молитвенное пение собравшихся в часовне пустынножителей.

Исаакий и Максим приступили к совершению страшного обряда.

Раскольники стояли безмолвно на коленях, рядами, в белых чистых рубахах. Оба учителя прошли между ними и наложили на каждого, не обойдя ни одного человека, ни взрослого, ни малолетнего, бумажные венцы, на которых красными чернилами был обозначен праведный восьмиконечный крест.

Проходя по рядам и благословляя ставших на свою последнюю молитву, Исаакий и Максим повторяли:

– Мы за старую веру в часовне сгорим все, и в сих венцах

станем все пред Христом.

– Сгорим все до единого человека! – неслось под своды часовни.

Берёста, сухая солома и черное горючее смолье были заранее подложены снизу под всю часовню. И как только Максим Нечаев, выйдя из двери наружу, бросил под часовню пылающий факел, все вспыхнуло в одно мгновение.

Поспешно вернувшись в часовню, Нечаев крепко изнутри закрыл ее замком, чтобы не было греха тем, кто вдруг усомнится в огненном крещении. Наружу были выставлены только четыре человека, которые должны были оборонять дверь от солдат, стреляя в них из ружей.

Именно выстрелы и услышал Михайло, когда быстро шел по дороге к пустыни.

Еще вчера вечером Исаакий сказал Михайле:

– Чуть рассветёт, уходи отсюда, иди домой. Учению твоему у нас конец. Иди и думай. Покуда еще не вполне наш. И к тому, что случится, пока еще не готов ты. А это требует всей души.

О чем темно и намеком говорил Исаакий? Трудно было понять. Но, слушаясь приказания, Михайло ушел.

Пройдя коротким путем к Гаврилихе, откуда лежала дальнейшая дорога, Михайло узнал о том, что к Никольской пустыни направилась воинская команда. Как можно быстро он и пошел обратно.

Пламя гудело вокруг всей часовни, выплескивалось выше

креста жирными багровыми взмахами, когда Михайло оказался у частокола.

Около двери уже никого не было. Пытавшиеся ее выломать солдаты толпились в стороне, обивая руками тлевшую одежду и протирая изъеденные дымом глаза.

Михайло взбежал по ступеням, схватил лежавшее подле убитого выстрелами раскольника ружье и стал прикладом бить в окованную железом дверь.

Удар, еще один удар, третий...

И не выдержавший страшных ударов приклад далеко отлетел в сторону. В руках у Михайлы остался ружейный ствол.

Закрывая рукавами глаза, он бросился вниз по ступеням.

Особенно надрывно кричала девочка. Ей было всего лет семь-восемь. Она мало еще что понимала и любила слушать сказки, которые рассказывала ей мать. Это ее голос. Вот он совсем ослабел...

Сбоку у разбитого окна суетятся солдаты. Им удалось вытащить из огня какую-то кричащую старуху.

Уже близко около часовни стоять невозможно. Цепь солдат раздается.

Слышны еще стоны и крики. Но кто-то громким, задыха-

ующимся голосом читает молитвы.

Очнувшаяся старуха безумным взглядом поглядела на Михайлу и назвала его по имени.

Двое солдат подступили к нему и схватили за руки. Но Михайло так швырнул их, что они разлетелись далеко в стороны. Никем больше не удержанный, Михайло пошел прочь по лесной тропе.

С пригорка хорошо был виден скит. Остановившись на возвышении, Михайло смотрел на пожарище – вплоть до того мгновения, когда рухнувшая крыша бросила высоко над елями багровый вихрь огненных искр.

Сколько же их, крещенных огнем, осталось под сводами часовни – стариков, молодых, детей, мужчин, женщин? Больше семидесяти... В живых остались только трое из оборонявших дверь от солдат да старуха Анна Герасимова.

«И это всё, это всё? – думал Михайло, пробираясь тайными лесными тропами к себе домой. – Вот это и есть самая высокая правда, которой достигает Аввакумово учение?»

Ему припомнилось то, что услышал он в тот вечер.

«Враги же сами и помогут нам, – говорил Исаакий Максиму Нечаеву. – Труден тот подвиг, но, однако, Господу любезен. Блажен час сей, когда человек сам себя своей волей сожжет».

Михайло тогда не понял этих слов. Теперь он их понимает.

«Это и есть самое высокое утешение человеку на зем-

ле?» – без конца повторяет он, думая о том, что привелось ему повидать.

Прошло несколько месяцев, прежде чем отец однажды тихо сказал Михайле:

– Вот что. Не только что прямым учением человек учится. Обожжешься – тоже учение.

Глава третья

ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ ЛОМОНОСОВА

Расставшись с Шубным, Михайло через боковой вход вошел на обнесенную изгородью усадьбу.

Он прошел мимо вырытого посреди двора небольшого прямоугольного пруда и направился к сараю.

Надо было отбить косу к завтрашнему дню. Он и принялся за дело. Но скоро дробный стук молотка об отбиваемую косу прекратился. Отложив в сторону косу, Михайло задумался.

Настланные по торфянику мостки заскрипели под быстрыми женскими шагами.

– Все думаешь? – спросила мачеха, подходя к пасынку.

– Все думаю.

– Ну и до чего-либо уже додумался?

– Покуда не до всего.

– И ума палата, а все еще не удумаешь?

– Случается.

– Дед-то Егор чуть было не убил тебя? Рассказали уж мне.

Вот и пришла тебя проведать. Что, думаю, с сыном?

– Спасибо, матушка. Знаю: всегда добра мне желаешь.

Мачеха метнула на него косой, недобрый взгляд.

Первая жена Василия Дорофеевича Ломоносова, мать Михайлы, умерла уже давно. Недолг был и второй брак: умерла и вторая жена. И теперь Василий Дорофеевич был

уже в третьем браке. Ирина Семеновна, вторая мачеха Михайлы, женщина недобрая и гневная, не любила пасынка. А как пришел этим летом Михайло с моря на сенокос, вроде как уж хозяином и распорядителем, мачеха и особенно стала злобиться.

В самом деле, случись что с мужем – все достояние к Михайле перейдет. Он – хозяин, она – горькая вдова.

– Прежде чем сюда прийти, в твою светлицу заходила я, в ту, где думы свои великие думаешь да книги читаешь свои новые. Не там ли ты? Нету. Гляжу – и книг нету. Не в сундук ли ты кованный, что в углу там стоит, их спрятал да замок пудовый навесил? К чему бы их под замок?

– Про всякий случай. Думаю: никого вдруг дома, а тут – лихой человек?

– Лихой человек разве на книги твои позарится? Золото, что ль?

– Не золото, а все цена им есть. Уследит – все ушли, даже и ты, матушка, некому постеречь, ну и... – Михайло развел руками.

Ирина Семеновна не спешила, обдумывая ответ на Михайлину насмешку. Значит, он узнал о тех словах, которые она на днях сказала своей подруге, – что, в случае чего, она просто возьмет да и сожжет эти дьяволовы книги. Ведь к чему они? А к тому, что, научившись по ним, Михайло еще крепче за отцовское дело сумеет взяться.

– Смотри, Михайло, на смех не всегда ответом смех бы-

вает.

– Уж кто как может...

– Узнал, стало быть. Что ж, это ты правильно: с наушниками да соглядатаями оно способнее. Так всегда и поступай. – И Ирина Семеновна пошла прочь.

«Темная страсть в мачехе дела себе ищет – и в чем-то найдет?..» – вздохнув, подумал Михайло.

Когда уже наступили поздние июльские сумерки, Михайло достал из кованного железом и закрытого на крепкий замок сундучка книгу и зажег свечи.

Он раскрыл ее на той странице, где были напечатаны слова, над которыми он так часто задумывался.

«И от твари творец познаваем», – прочитал он будто и незаметно между другими втеснившиеся в ровную строку слова. Они были помещены в самом конце предисловия, в котором объяснялось, для чего книга назначена. Теперь он их хорошо понимает. Но не так-то легко это далось.

Эту книгу, что сейчас лежит перед ним, ему дал почитать Василий Христофорович Дудин в начале прошлого года, после того, как порвал Михайло с раскольниками.

Вслед отцу и деду, известным холмогорским книжникам, таким же книжным человеком стал и Дудин. К нему-то, в недалеко от Мишанинской стоявшую Луховскую деревню, и зашел однажды Михайло уже после того, что он увидел в Никольской пустыни. В те дни он подолгу одиноко бродил по

Курострову.

«Зайду к Дудиным, потолкую с Василием Христофоровичем, умный он, книги читает», – подумал Михайло, оказавшись однажды в зимний день на околице Луховской.

Когда Михайло стал рассказывать Дудину, почему он ушел от тех, кто держался старой веры, и сожалеть, что вот он прочитал много книг, а никакого ответа на то, что его так занимало, он так и не узнал, Василий Христофорович молча встал, подошел к полке, на которой плотным рядом стояли собранные дедом и отцом книги. Он выбрал из них две, одну тяжелую и большую, другую маленькую, крепко сжатую переплетом.

Передавая книги Михайле, Дудин сказал:

– Почитай-ка еще, особенно вот эту. – И он указал на большую книгу, стянутую медными застежками.

Что же это за книга, вот эта большая, и почему она так не нравилась раскольникам?

Когда Михайло уже оставил старую веру, он, случалось, при встрече с каким-либо раскольником вступал с ним в прения.

Однажды при таком случае он сказал своему собеседнику, седому старику:

– Вот в тех книгах, которые я когда-то читал, веру и Божественное деяние все страхом обороняют. Разве большая вера чего бояться должна? Все говорится: не смей постигнуть

того, что постигнуть тебе не дано, не тщись*. Верь и не рассуждай. Страхом всё. А разве на страх так уж всегда уповать можно? Полная ли в нем истина?

– Так ли уж плох страх? Он, Михайло, часто человеку ко спасению. Вот возьми: случится тебе, к примеру, опасность, от которой и жизни решишься, а страх возьмет да и подскажет: берегись. Ты и остережешься. И спасен.

– Да ведь в таком разе не страх нужен, а разум.

– Это как когда. И разума твоего не на всех станет. Страх-то попроще и покрепче.

– И так ли уж никогда и не обманывает?

Раскольник подозрительно посмотрел на Михайлу:

– Это ты о чем же? А? Ой, смотри, Михайло! Беседуем мы сейчас промеж себя, а при ком другом подобное что не говори. Ни при наших, ни при никонианах. По головке никто за такое не погладит.

– Да ведь я только спрашиваю.

– *Покуда* спрашиваешь... – покосился на Михайлу раскольник.

И вот опять листал Михайло свою книгу. Зорко вглядывался он в напечатанные двумя красками – черной и красной – большие ее страницы, испещренные цифрами, столбцами, исчерченные фигурами, пересеченные секущими линиями.

Где же в человеческом понимании тот предел, за который разуму переступать нельзя и грешно? Что должен оборонять

страх? И истине ли разума бояться? Кому от этого польза?
Где же в знании начинается грех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.